

Три дня Никитична прожила у сына в Москве и за это время ни разу не выходила из дому.

– Что я там забыла? – упрямо отказывалась она, когда сын уговаривал ее выйти на улицу, посмотреть на столицу, на москвичей. – Еще затолкают.

Сухощавая, махонькая, в гладком темном платье и фартуке с оборками, в толстых, домашней вязки, шерстяных чулках, она уже на другой день хлопотала на кухне, помогала невестке по хозяйству. Хитрые квартирные устройства неохотно подчинялись ее жилистым рукам: вентили выскальзывали из пальцев, огонь в газовой плите то угасал, то взрывался, форточки почему-то не затворялись, и Елена Владимировна частенько приходила свекрови на помощь. Скоро Никитична сама отступилась от мудрой городской механики и довольствовалась

лишь черной работой: чистила картофель, убирала со стола, мыла посуду, подметала полы.

Женщина была она еще бодрая, крепкая, за ужином храбро опрокидывала рюмку водки и не торопилась закусывать. На её желтом, пересошем от времени лице пятнами проступал румянец, глаза маслились, добрели, она ласково поглядывала на сына, на его жену и все гладила заскорузлой ладошкой внучку. В десятом часу ее уже морил сон, Никитична пристраивалась на диване и засыпала.

А хозяева выключали телевизор, совали дочери конфеты, укладывали девочку в постель, выходили на кухню и вполголоса переговаривались.

– Чем ее занять, собственно говоря? – рассуждал Дмитрий Алексеевич, худощавый мужчина лет сорока, с глубокими залысинами

на висках и доверчивыми голубыми глазами. – Просто ума не приложу.

– Ты, Митя, ее лучше знаешь, – говорила жена. – Тебе видней. Кровь-то родная...

– Да ведь заупрямится, не пойдет, куда ни позови! Я же знаю!

– Надо что-то придумать. А то еще обидится и уедет.

– Н-да... Проблема! — шептал он, поглядывая из коридора на узкую, с острыми лопатками спину матери.

Никитична проживала у старшего сына Василия, механика, в районном центре; Дмитрий Алексеевич не видел ее шесть лет, каждый год настойчиво звал к себе и очень обрадовался ее приезду. Первые дни он допоздна засиживался с ней, вспоминал общих знакомых, Никитична рассказывала о колхозе, новом председателе, заработках старшего сына, но уже на третьи сутки старушка начала скучать, вздыхать, беспокоиться об отъезде, да и Дмитрия Алексеевича уже тянуло почитать новый роман, послушать одну из своих любимых сонат и посмотреть с женой последний итальянский кинофильм.

До ночи так ничего и не придумали. Дмитрий Алексеевич долго лежал в темноте, слушал ровное, тёплое дыхание жены и задумчиво следил, как размашисто и бесшумно рыскали по стенам лучи автомобильных фар.

А утром, отыскав сигареты, на ходу приглаживая спутанные волосы, он пошел курить на кухню и там наткнулся на мать. Повязав платочек, она сидела у окна, пригорюнясь, подперев кулаком щеку, и печально глядела на улицу.

Увидев сына, Никитична убрала руку, потуже затянула платок и сказала:

– А дома у нас, должно, вьюга пуржит...

Желание курить у него сразу пропало.

– Знаешь, мама, – тихо заговорил он, – а ведь мы с тобой сегодня гулять пойдем. Побродим, поглядим на Москву... Схожу к начальству, отпрошусь на денек и двинем. Хочешь?

– А тебя не заругают на службе?

Дмитрий Алексеевич только улыбнулся.

Через два часа он уже вернулся, разгоряченный, довольный, и, не раздеваясь, торжественно и широко провел рукою по воздуху.

– Собирайся, мать! – сказал он. – В Кремль поведу.

– Куда?

– В Кремль. Увидишь Мавзолей, дворцы, Царь-пушку, колокольню Ивана Великого. Интересно ведь, а? Там теперь даже иностранцы бывают.

– Иноземцы, стало быть? Небось и шапки в храмах не снимают!

– Шапки? Не знаю, право. Кажется, нет...

– И чего глядят на чужое? Чай, не в зверинце. Нет уж, Митрий, ступай один. А то еще сомлею в пути...

Дмитрий Алексеевич переглянулся с женой, ослабил шарф на шее и уже не так уверенно предложил:

– Давай хоть в кино сходим! Так сказать, всей семьей, по-праздничному...

– Да ить усну я там, милоч! Только зря потратишься на билет. Так в дрему и клонит без свету. Уж я знаю!

Сын опустил на стул, покачал головой, усмехнулся.

– Фу, запарился... Что еще? Может, в театр?

Он загляделся на пол, потом очнулся, прижал ладони к груди и снова заговорил:

– Послушай, ма, вспомни Ванюшку нашего! Как он живописью-то увлекался! Любил картины, художников, сам рисовал. Если б не погиб, он не пропустил бы сейчас ни одного музея, ни одной выставки. А мы живы остались – и не смотрим, не интересуемся. Тебя даже на улицу не вытянешь... А не мешало бы побывать в картинной галерее. Ради Ванюшки, в его честь. Пойдем, а?

И Никитична согласилась. Спросила только, нельзя ли взять с собой внучку, сняла фартук, а от резиновых бот невестки отказалась:

– Застынут ноги-то.

Елена Владимировна проводила свекровь и мужа за порог, сказала:

– Только не увлекайся, Митя, помни: ты не один. Не задерживайся долго.

С крыш капало, по водосточным трубам с грохотом скатывались сосульки. В тени зданий бойко приплясывали водяные фонтанчики, снег посерел, вздулся пупырышками и местами походил на разъеденный кипятком сахар. А на запыленных вывесках, затекших за зиму витринах,

на черных от луж тротуарах потягивались, лучились солнечные звезды и до боли слепили глаза.

Пояснения сына трудно давались Никитичне. Лишь изредка мельком она окидывала взором какое-нибудь здание или памятник, о которых рассказывал Дмитрий Алексеевич, но больше глядела на прохожих, на тесные ряды норовистых автомашин, которым, казалось, никогда не выбраться из этой сутолоки, на маленьких, бесстрашно спующих под колёсами милиционеров. В широконосых валенках с калошами, в чёрной шали с кистями, она шла неумоимо и ходко, с опаской обходила слишком шустрых молодых людей, изредка рукой отгоняла от себя струю синего отработанного газа.

– Люду-то, люду! Ах ты, господи! – не раз повторяла она, пережидая транспорт.

Дмитрий Алексеевич примерялся к её шагам и все думал о том, до чего мать не похожа на тех бойких скупых баб и старух, которые торчат на городских рынках или толкаются в очередях, и как постарела в разлуке.

– Погоди чуток, умаялась я, – сказала она ему в вестибюле станции метро, зажатая встречными густыми потоками пассажиров. – Прямо закружил народ.

Сын отвел ее в сторону, постоял рядом и спросил:

– Лучше теперь?

– Да вроде полегшало.

Возле невысокого, изукрашенного пряничной резьбой здания Никитична вдруг остановилась, схватила сына за локоть.

– И куда меня, старую, занесло? – сказала она. – Чего я там пойму? Ещё засмеют...

Она постояла, невесело взглянула на урезанное, сдавленное крышами небо и вздохнула:

– Веди уж...

Музейная обстановка всегда успокаивала и умиротворяла Дмитрия Алексеевича. Покой и простор залов, исполненное внутренней силы безмолвие отчеркнутых рамами полотен, учтивые лица служителей у каждого нового помещения словно отгораживали, очищали его от будничной суеты, мелочных забот и неурядиц. Вот и сегодня он снова ощутил радостное волнение, опять настроился на торжественный лад,

А Никитична без платка чувствовала себя уютно, неустроенно, втягивала голову в плечи, поминутно проводила рукой по волосам, точно боялась, что их сдует ветром.

– Не робей, мама! – шепнул ей Дмитрий Алексеевич.

Первые комнаты Никитична прошла насквозь, не задерживаясь, мягко шаркая валенками по полу, неловкая, заброшенная сюда неведомо зачем, прошла, будто торопилась к выходу, и Дмитрий Алексеевич не решился её остановить. Но потом она освоилась, замедлила шаги, осторожно поворачивая голову, заинтересовалась посетителями, стала осматривать полотна.

Возле экскурсовода, тоненькой женщины с короткой мужской прической, она остановилась, прислушалась, засмотрелась на её фиолетовые губы. Сцепив кисти рук и глядя на пол, женщина обстоятельно рассказывала об известном художнике. Мальчики в белых рубашках и девочки в фартучках жались к ней и, задрав головы, почтительно глазели на картину. Никитична тоже стала всматриваться в застывшие людские фигуры, словно разыскивала среди них чьё-то знакомое лицо. Но люди на полотне все больше замыкались, угасали под слоем красок, и Никитична двинулась дальше.

В соседнем зале она задержалась возле небольшого, спокойного пейзажа, пытливо разглядывая его вблизи, точно ждала, что природа оживёт.

– А похоже, – громко сказала она и обернулась к сыну.

– Вот видишь! – обрадовался Дмитрий Алексеевич, не обращая внимания на чей-то иронический взгляд.

Врубель не понравился Никитичне.

– Чегой-то он весь чешуей пошел? – спросила она, указывая на «Демона». – Чисто змея.

У левитановской рощи Никитична простояла долго. Склонив голову набок, приложив палец к губам, она медленно обдумывала свою трудную думу, о чем-то соображала про себя и под конец даже вздохнула.

Дмитрий Алексеевич терпеливо ожидал ее. Непосредственность матери трогала его и немного смущала, ему хотелось, чтобы она сегодня побольше поняла, чтобы в сознании

у нее осталось хорошее, яркое, чтобы живопись хоть чуточку проняла и обрадовала ее.

Публика постепенно редела. В новом просторном зале они застали только маленькую девочку, которая сидела на стуле и болтала ногами, да седого осанистого мужчину в светлом костюме – он то подходил к большой позолоченной раме, то отступал от нее на несколько шагов, изучая картину издали. Два рослых парня, остриженные под ёжик, в распахнутых куртках сидели рядом перед мольбертами и о чем-то весело переговаривались.

Никитична поначалу косилась в их сторону, затем зашла за их спины, придвинулась вплотную и заглянула поверх голов.

На загрунтованных холстах начаты были портреты какого-то знатного вельможи. Из ящичков торчали острые копыя кисточек, на дне валялись свернутые улитки полупустых тюбиков; пахло бензином и красками.

Никитична вдруг согнулась, опустила голову, лицо ее сморщилось, огрубело, стало совсем некрасивым.

– Что ты? – встревожился Дмитрий Алексеевич.

– Ванюшка-то наш... – еле выговорила она искривленными, дрожащими губами.

– Ну, не надо, мама, – говорил он, поддерживая ее за локти. – Ну, успокойся, прошу тебя. Зачем ты, право...

Девочка перестала болтать ногами, парни с любопытством обернулись.

Дмитрий Алексеевич вел Никитичну под руку, произносил какие-то ненужные, ласковые слова. Утешать было нелегко. Он и сам чувствовал себя так, словно только что получил «похоронную».

То, что погиб и лежит где-то в чужой земле Ванюшка, самый живой и весёлый из братьев, что из-за его смерти подавлена горем именно она, их мать, сейчас казалось Дмитрию Алексеевичу особенно жестоким и обидным.

– Не буду, чего уж, – наконец сказала она.

Он хотел улыбнуться ей и не смог.

Незаметно они очутились в залах древней иконописи. И тогда Дмитрий Алексеевич спохватился, забеспокоился о том, как бы снова не расстроить мать.

– Это чего здесь? – неожиданно заинтересовалась она и первая пододвинулась к полотнам.

Возле изображения всадника в победно-праздничной, подхваченной ветром мантии, восседающего на тонконогом, с выгнутой шеей коне, Никитична изумленно прошептала:

– Егорий...

Она сложила руки перед собой и медленно, бочком поплыла вдоль стены, не пропуская ни одной картины. Ее лицо было суровым и словно отсутствующим, как и у тех святых, на которых она смотрела, да и все ее сухонькое, словно выжатое временем тельце в длинном, мешковатом платье оказалось под стать этому строгому и нерадостному залу.

Длинный рассказ нового экскурсовода об иконе Владимирской Божьей Матери, ее участии в сражениях Никитична терпеливо выстояла до конца, а потом даже провела ладонью по раме, но тут же испуганно отдернула руку, точно обожглась.

– Заступница, стало быть... Ах ты, господи! – потерянно проговорила она.

Дальше следовать за ней Дмитрий Алексеевич не решился. Он тоже был не прочь лишний раз поторчать возле работ Феофана Грека или Рублёва, вволю насмотреться на каждое полотно в отдельности, взглядеться в каждую выразительную фигуру или удачную деталь.

В зале было светло. Солнце наискось рассекало стену, охватило у стула передние ножки и угол сиденья, ровными ковриками улеглось на полу. Казалось, что солнце поселилось в этой комнате с незапамятных времен и не покидало зал еще с той поры, когда писались картины.

Глаза непорочных дев и святых угодников будто и не замечали Дмитрия Алексеевича, не взирали на него строго и не грозили ему загробной карой. Они словно прислушивались к чему-то важному, сосредоточились на внутренней мысли, углубились в самих себя.

Дмитрий Алексеевич смотрел на блеклые лики апостолов, на предостерегающе поднятые персты Николая-Чудотворца, и на него вдруг повеяло стариной, дохнуло запахом лежалой древности, не затхлостью и тлением, а каким-то чистым добротным духом бережно хранимых семейных реликвий. Ему даже померещилось

чьё-то лицо, озаренное сполохами огня, чьи-то большие немигающие глаза. Какой-то предок мелькнул перед его взором, русоволосый, стриженный в скобу, в крепкой холщовой рубахе. Под медные звуки набата он словно всматривался в Дмитрия Алексеевича из-под руки, глядел на него пытливо и строго, и от этого призрачного видения у Дмитрия Алексеевича сильно забились сердце.

И сейчас же, без всякой связи, ему вспомнилось собственное детство, узкие листочки ракист над чахлой речонкой, спутанные ноги коней на лугу, нечесанные головы старших братьев.

Он уже корил себя за то, что давно не бывал на родине, что напрасно столько лет не навещал мамашу. Правда, работы в институте подвалило порядочно: почти вся страна переводила на газ отопительные котельные, приходилось много ездить, рыться в технической литературе, месяцами ломать голову над узлами и схемами надежной отечественной автоматики. И все же можно было выкроить время для поездки. Своим землякам он, вероятно, покажется чудачковатым и чересчур развязным, как и все горожане, да и для него в селе многое будет выглядеть нынче забавным. Но там, дома, станет звенеть в степи, стрекотать кузнечиками полуденный зной, размахнется в полнеба неправдоподобно роскошный закат, неброские с виду девчонки заведут на посиделках будто бы и наивные, берущие за живое песни, на всю ночь примется уютжить землю за селом неугомонный трак-

тор – всё наше, кровное, русское, всё то, чего не выбросить из головы, никогда не вытравить из сердца.

– Митрий! – теребила его за рукав Никитична. – Очнись, милый!

– А? Да, да, слушаю!

– Сберегли, говорю, иконы-то!

– Еще бы! Ведь это – искусство, ценности.

– Уважают, стало быть... Вот и дед наш тоже, уж на что дерзок был, сроду лоб не перекрестит, а образа не хаял. Людскими, говорит, руками сделано, писано с душой...

Она еще раз обвела взглядом картины и фрески и сказала:

– Не пора ли идти-то?

На улице щеки Никитичны посвежели и разругмянились, глаза живо заблестели, она шла, не разбирая ни луж, ни тротуаров, с любопытством поглядывала вправо, за реку, и рассказывала о родственниках, о доме, о скотине, о том, что в Александровке открыли птицеферму и запрудили речку, а в Сокоревку наконец провели электричество. Знакомые сельские названия звучали для Дмитрия Алексеевича удивительно ёмко и певуче, ему уже виделось, что Никитична ещё раз побывает в Москве, поглядит на столицу, что и сам он теперь частенько будет наезжать в родные места.

У перекрестка в ожидании зеленого света затаились легковые автомашины, их спины блестили и лоснились на солнце. А справа, за рекой, золотились в голубом небе кремлёвские купола...